

Гольберг подробно описал жизнь музыкальной страны. Нарушение закона карается «отнятием смычка», что равносильно смертной казни. На судебном процессе истец и ответчик, «вместо речей, по струнам, вдоль по брюху у них протянутым, водили смычками, издавая чрез них свой голос». Прения сторон выразились в музыкальной разногласице, «так что в проворстве и оборотности рук их все у них красноречие состояло». Судья прекратил какофонию и сыграл адажио, означавшее приговор, и служители правосудия отняли у осужденного смычок.

Нильс Клим сообщает подробности о системе воспитания, принятой в музыкальной стране. Детям «по то время не даются смычки, пока они не приидут в возраст трех лет, а как на четвертый год переступят, то посылают их в школы, где бы они от учителей могли быть наставлены, как им проводом и отводом смычка должно струн своих издавать голос, то есть, по нашему речению, грамоте обучаться».¹⁴

Все описание выдержано в юмористическом духе. Для Гольберга, убежденного рационалиста, возможность общения людей с помощью музыки являлась абсурдом. Сферы музыки и языка разделяла непреодолимая преграда.

Взгляд Ломоносова был неизмеримо шире, хотя он в отличие от Гольберга не был музыкантом.

В «Российском грамматике» мы находим следующие строки: «Вымышленные от Голберга в земли живущие люди, когда бы действительно были и имели бы вместо органов, к произнесению слова служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли».¹⁵

Ломоносов не просто ссылается на Гольберга, но полемизирует с ним. Рассказ Нильса Клима должен доказать нелепость замены звуками музыки слов, обозначающих понятия. Для Ломоносова выражение музыкой чувств и представлений вполне возможно. Звуки музыкальные условны, как и звуки речи. Люди, не знающие языка страны, в которую они попадают, беспомощны в большей мере, нежели спутники Нильса Клима. Зная законы музыкальной речи и знаки, ее выражающие, человек способен понять, что хочет сказать его собеседник. Именно это и подчеркнул Ломоносов, заметив, что фантастические персонажи Гольберга могли бы с помощью струн «свободно изображать и с другими сообщать свои мысли».

Конечно, слова Ломоносова нельзя понимать буквально как утверждение адекватности словесной речи и речи музыкальной.

свойствами животных, також образцев житья и домостроительства оных, которое, с чудными и разнопревратными похождениями чрез двенадцать лет отправа, наконец в Копенгагене на латинском языке на свет издал Николай Клим, бергенский студент, подземный герой и после бывшей бергенской же крестовой кирхи пономарь. СПб., 1762, с. 283—284.

¹⁴ Там же, с. 284—285.

¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7, с. 396.